

Оглавление

<i>Введение.</i>	Повседневность как объект научного исследования	4
<i>Глава 1.</i>	История повседневности как научное направление	13
<i>Глава 2.</i>	Источники и методы изучения истории повседневности	24
<i>Глава 3.</i>	Советская повседневность: историография проблемы.....	34
<i>Глава 4.</i>	Устная история: направления и этапы развития. Слуховая культура в России	44
<i>Глава 5.</i>	Советская повседневность в литературе и искусстве. Образ мещанина в русской и советской литературе первой половины XX в.	65
<i>Глава 6.</i>	Повседневность на микроуровне: художник и книга в лагере.....	73
<i>Глава 7.</i>	Советская повседневность: нормы и аномалии. Голод в Поволжье 1921–1922 гг.	90
<i>Глава 8.</i>	Коммунальная квартира как социокультурный феномен советской повседневности	116
<i>Глава 9.</i>	Семейная история, семья и брак в СССР. Рабочая и студенческая семья 1920-х годов.....	129
<i>Глава 10.</i>	Отдых и досуг в советской истории. Туризм как специфическая сфера советской повседневности.....	156
<i>Глава 11.</i>	Сервис в советской повседневности.....	177
<i>Глава 12.</i>	«Нормированный сервис» в советской повседневности: карточная система в СССР	195
<i>Глава 13.</i>	Алкогольная политика и «пьяная культура» в Советской России 1920–1930-х годов.....	234
<i>Глава 14.</i>	Производственная повседневность страны Советов	270
<i>Заключение.</i>	Перспективы изучения повседневности	285
<i>Источники</i>		
	I. Архивные фонды.....	288
	II. Литература и интернет-источники	288

Повседневность как объект научного исследования

Быт можно фотографировать — точка зрения натуралистов и «пролетарствующих» поэтов.
Быт можно систематизировать — точка зрения футуристов. Быт надо идеализировать и романтизировать — наша точка зрения...

Из манифеста имажинистов, 1924 г.

История общества по существу представляет собой повседневную жизнь человека в ее историческом измерении, отражая некие неизменные свойства и качества по мере закрепления новых форм жилья, питания, перемещения, работы и досуга. Именно в анализе повседневной жизни лежит ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами вопроса: как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи? Как люди приспособивались к жизненным обстоятельствам?

Повседневность кажется ясной не потому, что отрефлексирована, а потому, что ускользает от рефлексии. Обыденную жизнь не анализируют до того, пока ее не нарушит какое-нибудь из ряда вон выходящее событие. Повседневная жизнь выступает объектом исследования для целого ряда гуманитарных дисциплин, среди которых нет согласия даже в определении самого понятия «повседневность». Например, **социологи** употребляют как синонимы такие понятия, как «обычное ежедневное существование» или «род/образ жизни». В классической социологии под бытом, как правило, понималась область внепроизводственной жизни людей, связанная с процедурами удовлетворения материальных и духовных потребностей в процессе обеспечения жизнедеятельности, рекреации и социализации челове-

ка¹. Социологи, хотя и были заняты анализом повседневности, в сущности, не задумывались о ее определении. Лишь изредка отсутствие исследований повседневности воспринималось как проблема: «Мир повседневности, хотя он и предоставляет социологии предпочтительные исследовательские объекты, сам лишь изредка оказывается самостоятельным объектом анализа» [Zimmerman, Pollner, 1979. S. 64].

Однако в современной социологии анализ феноменов быта постепенно замещается более широкой предметной областью — **социологией повседневности**, основной целью исследования которой становится изучение правил взаимодействия в определенном сообществе². Наблюдая взаимодействие его участников, социолог выявляет механизмы конструирования изучаемой реальности. При этом цель наблюдения заключается в «открытии формальных свойств повседневных, практических, основанных на здравом смысле действий». Метод проведения исследований же связан с проблематизацией повседневности: чтобы найти правила повседневного взаимодействия, необходимо стать сторонним наблюдателем по отношению к обычному характеру повседневных сцен, т.е. отстраниться [Garfinkel, 1994. P. 36].

Социология повседневности на сегодняшний день находится в процессе становления: ее теоретические ресурсы четко не определены, не сформировался консенсус в отношении центральных категорий. Концепты социологии повседневности — «практика», «повседневное взаимодействие», «порядок интеракции», «социальная ситуация», «фрейм» — не образуют единого понятийного пространства. Требуется более четкой концептуальной разработки и базовая категория данной области знания — «повседневный мир». Сам термин «повседневность» (нем. *Alltaglichkeit*) был предложен А. Шюцем для социологической концептуализации понятия «жизненный мир», введенного в научный оборот в феноменологии Э. Гуссерля. В работах А. Шюца и И. Гофмана повседневность трактуется как уровень элементарных порядков интеракции «лицом-к-лицу» (см.: [Гофман,

¹ Соответственно различались иерархические уровни бытия: общественный, городской, семейный и т.п.

² Например, Л.Г. Ионин под социологией повседневности понимает «своеобразную область социологии культуры» [19976].

2002, 2003]), обладающий собственной организацией и когнитивным стилем (см.: [Шюц, 2003. С. 3—34]).

За последние годы социология повседневности существенно обновила свой теоретико-методологический инструментарий. К примеру, критическому переосмыслению в 1990-е годы подверглось философско-социологическое понимание повседневности Шюцем. Сложившийся на основе переосмысления шюцевской феноменологии подход представлен, например, в работах немецкого исследователя Х. Бардта, сделавшего попытку различения повседневных и внеповседневных ситуаций (пограничных, кризисных и драматических, а также моментов откровения и «воспарения» духа, ситуаций, которые переживаются как приключенческие или жизненный «поворот»). Ученый подчеркивал, что фактически переживаемые ситуации зачастую являются «смешанными»: как исключительно внеповседневные ситуации могут быть пронизаны повседневными явлениями, так и исключительно повседневное может нести в себе «экзотику» повседневности [Bahrtdt, 1996. S. 144]. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса основана на противопоставлении социальной системы и жизненного мира, которым соответствуют два разных типа рациональности: инструментальная и коммуникативная. Если первый тип связан с адаптацией людей к окружающей среде и ориентирован на увеличение материальных достижений, то второй — с интеграцией людей в сообщество и ориентирован на увеличение социального согласия [Артемов, 2001. С. 23—24].

Кроме того, в работах последних лет предельно широкое понимание повседневности привело к тому, что с использованием социологических методов изучается не столько фактическая обстановка в современных городах и деревнях, сколько самоощущение их обитателей, их субъективные представления о себе и о мире, в том числе об отдельных вещах, формах общения и институтах культуры. Таким образом, предметом социологического исследования становится не социальная реальность, а отношение к ней, формы ее представления в сознании людей. Социолог повседневности стремится выяснить, как рядовой человек объясняет себе и другим свое поведение, выбор того или иного поступка, шага в общении с окружающими его людьми, а также узнать о привычных в этом обществе нормах работы, отдыха, еды, воспитания детей, семейных и любовных отношений.

В рамках современной социологии повседневности специальному рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений изнаночной стороны жизни общества:

- пространство обитания в быту (в квартире и ее комнатах, в деловых и спальнях районах мегаполисов, в общественном и личном транспорте) и на работе;
- хронометраж будничного и выходного дней, периодов труда и отпуска, а также формы досуга (домашние и клубные игры, физкультурные и спортивные занятия, туризм и проч.);
- ролевые функции в разных контактных группах (семейных, офисных, клубных и проч.), тактика языкового поведения и специфика межличностного взаимодействия в специальных учреждениях (образовательных, медицинских и пенитенциарных);
- порядок социализации разных общественных групп (поколений, мужчин и женщин, представителей титульных этносов и мигрантов и т.п.);
- порядок сна, его интерьер и прочие вещественные аксессуары (продолжительность и качество сна, типологический анализ сновидений, ночная одежда и позы отдыха, общие и отдельные кровати и спальни у супругов и прочих родственников и т.п.);
- формы питания, начиная с состава продуктовой корзины и заканчивая порядком общения сотрапезников и их поведением за едой;
- ежедневные и праздничные ритуалы, модификации этикета (переговоры и визиты гостей, вечеринки дома и в развлекательных заведениях, свадьбы и похороны), униформа и мода (семантика одежды и обуви, прически и макияжа);
- статусные значения сложной техники (автомобиля и кухонного оборудования, компьютера и радиотелефона, музыкального инструмента и проч.);
- многие другие стороны бытовой сферы жизни человека (подробнее см.: [Гудков, 1988]).

Для сложившейся в 1970-е годы **исторической антропологии** было характерно, по определению Ж. Ле Гоффа, стремление охватить «все достижения новой исторической науки, объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антро-

пология» (цит. по: [Гуревич, 1993. С. 297]). М.М. Кром в своих исследованиях исходит из представления о глубоком внутреннем родстве истории ментальностей, исторической антропологии, микроистории и истории повседневности [Кром, 200—?б]. Это объясняется особым вниманием данного научного направления к символике повседневной жизни, манере поведения, привычкам, жестам, ритуалам и церемониям [Кром, 200—?а]. В свою очередь, историзация антропологии стимулировала развитие **микроистории** с ее специфическим интересом к символизму повседневной жизни. Более того, по мнению ряда исследователей, история повседневности выступает разновидностью микроистории, концентрирующейся на обыденности, но так или иначе сопряженной с изучением исторической антропологии и культурных локализмов, анализом бытовой рутинности и факторов отклоняющегося (девиантного) поведения. Авторы трудов по истории повседневности, основанных на микроанализе, стремятся к меньшей географической и временной локализации, но при этом предполагается углубление анализа за счет использования жизненных историй представителей разных когорт, их взаимосвязей в домашней и производственной жизни.

Если **юристов** интересует официально-правовая регламентация поведения людей, то этнографы выявляют в ней элементы обычного права. **Этнографы**, говоря о повседневности, чаще всего подразумевают под ней категорию «быт». Однако принципиальное различие между исследованием быта и повседневности заключается в том, что в центре внимания исследователя находится не просто быт, а жизненные проблемы и их осмысление современниками изучаемых событий. Другими словами, если этнограф реконструирует быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции людей на то, что их в быту окружает, концентрирует внимание на субъективном жизненном опыте людей. Он ищет ответ на вопрос, как случайное событие становится вначале нормальным исключением, а затем — распространенным явлением. Кроме того, исследователи повседневности проблематизируют этнографию быта и историю эмоций не только основных классов и сословий, но и, прежде всего, малых и дискредитируемых социальных групп.

Соединяя осмысление повседневного бытия с политической культурой, история повседневности позволяет выяснить, насколько

ко индивидуальное восприятие человека влияет на его обыденную жизнь, в том числе в сложившейся политической системе. Ведь **политология** откололась от социологии во многом затем, чтобы в практике политической борьбы и социального управления использовать обыденные стереотипы и бытовые привычки электората. Более того, ставилась задача целенаправленно влиять на эти стереотипы и формировать новые, нужные заказчикам, с помощью рекламы и сетевых коммуникаций.

Сам термин «повседневность» в широкий научный оборот сферы исторического знания был введен Ф. Броделем. Признавая, что само название «далеко не идеальное обозначение» сути повседневной истории, «принятое за неимением лучшего», А. Людтке, тем не менее, считал, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения» [Людтке, 1999. С. 77]. В целом для исследований различных аспектов истории повседневности характерны терминологическая эклектика и методологический плюрализм. Существенный разброс в трактовке понятия «повседневность» отразила прошедшая в 1994 г. в Санкт-Петербурге международная конференция по истории советской повседневности ([Российская повседневность.., 1995]; по этому поводу см.: [Горинов, 1996. С. 270]). Спустя десятилетие М.М. Кром сделал заключение об отсутствии универсального и пригодного на все случаи жизни понятия «повседневность», в силу чего определил оповседневнивание истории как исследовательский инструмент [Кром, 2003. С. 11].

Действительно, категория «повседневность» в качестве общего понятия для различных форм общности и взаимодействия слишком аморфна. С конца XVIII в. повседневность видится как «пошлость жизни», застой и повторение, лишённые поэтического смысла [Бойм, 2002. С. 67]. Так, согласно интерпретации немецкого социолога и философа Г. Зиммеля повседневность противопоставляется приключению как состоянию наивысшего напряжения сил и особой остроты переживаний (см.: [Зиммель, 1898, 1923, 1996]). Развивая шпенглеровскую теорию противопоставления культуры, характеризуемой состоянием творчества, и цивилизации как периода творческой стагнации,

немецкий философ и социальный теоретик Г. Маркузе рассматривал повседневность как характерное качество именно цивилизации [Маркузе, 1994]. Напротив, у А. Лефевра повседневность выступает базисом творчества, «местом дел и трудов» [Неомарксизм..., 1980]. Сходных взглядов придерживалась и А. Хеллер, для которой именно в повседневном происходит реализация естественных потребностей человека, приобретающих при этом культурно-знаковую форму [Ионин, 1996].

Немецкий философ Э. Гуссерль обозначал понятием «мир повседневности» (или «жизненный мир») некую феноменологическую реальность, т.е. индивидуальный опыт субъекта [Гуссерль, 1994]. Развивая это направление, австрийский социолог и философ А. Шюц дифференцировал все «жизненные миры» на конечные области значений, т.е. знаково-символические сферы языковых конструкций, переход из которых требует определенного смыслового скачка [Ионин, 1997а. С. 316–317, 323–325; 1997б. С. 12–13]. Архитектор социальной феноменологии выделил шесть конституирующих элементов повседневности, провозглашенной им «верховой реальностью»:

- трудовая деятельность, ориентированная на внешний мир;
- специфическая уверенность в существовании и достоверности восприятия внешнего мира;
- активное и напряженное отношение к жизни;
- восприятие времени через призму трудовых ритмов;
- определенность личностной самоидентификации;
- особая форма социальности³ как мира социального действия и коммуникации [Schutz, 1975, 1976, 1990].

Однако у Шюца повседневность не рассматривается в исторической динамике. Так, авторитетный российский социолог культуры Л.Г. Ионин не убежден, что мир повседневности всегда воспринимался как единственный и подлинно реальный. На начальных этапах человеческой истории мир повседневности рассматривался как один из возможных миров, да и сейчас можно говорить о реальности потустороннего мира в мировоззрении современного верую-

³ Основой особой формы социальности повседневности выступает интерсубъектное понимание. Человек руководствуется предположением, что его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир так же, как он. Но при этом исчезает личность, а остается только тип (например, «парикмахер» или «клиент»).

шего. Не всегда проявлялось и напряженное отношение человека к жизни. Точно так же по-разному в разные эпохи переживалось и время, только в христианскую эпоху обретшее направленность. При этом одновременно складывается особенный, не совпадающий ни с природным, ни с социальным ритм жизни — субъективный или личностный ритм, задаваемый церковью. Этот новый ритм «перекрещивается» с природным, и на этом пересечении возникает стандартное время — время трудовых и духовных ритмов повседневности. По мнению Ионина, в повседневности человек ангажирован полностью. Однако личностная вовлеченность людей традиционной эпохи в совершаемые ими действия была большей, чем в современную эпоху отчужденной повседневности. Более того, Ионин полагает, что в начальные эпохи истории повседневности не существовало, так как она — продукт длительного исторического развития. Можно только говорить о диффузных формах повседневности, своего рода «социальном эфире», в котором находятся социальные структуры: любого рода интимность, мистический опыт, смерть тела, любовное соитие и т.п. [Ионин, 1997а. С. 328–330, 332, 335–343, 357–359].

Несмотря на все вышесказанное, шюцевская трактовка, получившая развитие в трудах американского социального теоретика и социолога религии П. Бергера, вошла в арсенал так называемой «новой этнографии», сосредоточившей внимание на реконструкции этнической истории автохтонов, состоящей из комплексов повседневного восприятия [Бергер, Лукман, 1995]. В работах американского социолога Г. Гарфинкеля повседневность также понимается как процесс интерпретации повседневных взаимоотношений самими участниками этих отношений (см.: [Филмер, 1978. С. 328–375]). Повседневность можно определить как обычное ежедневное существование со всем, что окружает человека: его бытом, средой, культурным фоном и языковой лексикой. Но эта самоочевидность повседневности делает ее особенно неуловимой⁴.

«Повседневное» — это то, что происходит каждый день, в силу чего не удивляет. Оно обнаруживается в форме рутины, привычки и

⁴ Французский писатель и критик Морис Бланшо писал, что повседневность — это «вечнонулевое» пространство — вечное и нулевое одновременно (см.: [Бойм, 2002. С. 11]).

многочисленных знакомых явлений. Так, реальный быт большинства советских людей складывался из барачно-коммунального жилья, бесконечного стояния в очередях, отоваривания карточек, получения талонов и т.п. Повседневными являются ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме, что уже не воспринимается уникальность, которой они отчасти обладают. Важнейшим свойством повседневности является то, что она постоянно становится, движется все дальше и не терпит перерыва. Как правило, она не прерывается полностью даже необычными событиями, а лишь настойчиво требует их рутиннообразного учета.

И еще одно немаловажное обстоятельство. Как только мы фокусируем интерес на определенной сфере обыденности, тотчас обнаруживаем в ней достаточно тонкие дифференциации. В особенности это касается видов обыденной деятельности, требующих определенных умений: кулинарии и садоводства, охоты и рыбалки, коллекционирования и игры в преферанс, ремонта квартиры и т.п.

История повседневности как научное направление

Мудрость не в том, чтобы людей презирать, а в том, чтобы делать такие же пустяки, как и они: ходить к парикмахеру, суетиться, целовать женщин, пить, покупать сахар.

*Михаил Зоценко.
Мудрость*

По мнению академика Ю.А. Полякова, важнейшей задачей современной историографии является изучение не столько производственной и политической деятельности, культурных и научных достижений человечества, сколько «самого человека как такового, его жизни, какой она была и какой стала» [Поляков, 2000. С. 125–127]. Действительно, трансформация истории как науки о политических и экономических системах в науку о человеке в его историческом времени стала одной из ведущих тенденций современной историографии. В свою очередь, антропологический поворот подтолкнул процесс междисциплинарного синтеза, охвативший не только гуманитарные, но и точные науки. Отказ от дисциплинарной чистоты и стремление к научному синтезу привели к гуманитаризации даже естественного знания, наглядные примеры — проникновение в физику идей герменевтики, а также формирование биоэтики⁵ — науки о нравственной стороне жизнедеятельности человека.

Для всех разновидностей антропологически ориентированной истории характерен перенос акцента с исследования государственных институтов, экономических структур и больших общностей на

⁵ Термин был впервые предложен в 1969 г. американским онкологом-исследователем В.Р. Поттером.

изучение небольших групп, стратегий поведения индивидов, а также переход от описания значимых событий к анализу повседневности. Для объяснения же поведения и взаимодействия людей широко привлекаются понятия из арсенала социальной и культурной антропологии, социологии, психологии и других наук о человеке.

Одним из воплощений «антропологического поворота» и междисциплинарного синтеза стало появление в современной историографии нового направления — активно разрабатываемой в последнее двадцатилетие на Западе и в России истории повседневности, родоначальниками которой стали германские историки А. Людтке и Х. Медик. Главным объектом исследования истории повседневности становятся не экономические явления и политические процессы, а рядовой человек с его каждодневными проблемами питания, одежды, жилья, занятости, труда, отдыха, морали и т.д. История повседневности как направление современной социальной истории первоначально стала предметом специального исследования в трудах зарубежных историков. Определяя сферу ее интересов, Людтке отмечал, что она фокусируется на анализе поступков тех, кого называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми», на «детальном историческом описании их душевных переживаний и воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее» [Людтке, 1999. С. 77]. На этом фоне переворачивалось традиционное представление о том, как должно строиться историческое исследование: история выстраивалась не сверху, через восприятие сильных мира сего, и не через официальный дискурс, а как бы снизу и изнутри.

Историк повседневности ставит перед собой задачу понять групповые и индивидуальные реакции отдельных людей на правила и законы их времени. Кроме того, если в традиционной этнографии быт с досугом противопоставляются производственной сфере, то историки повседневности видят одной из своих задач изучение условий работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействие (в том числе конфликтное) с представителями администрации и предпринимателями, т.е. включают производственный быт в сферу повседневного. И еще одно важное обстоятельство. Истории-повествованию историк повседневности противопоставляет свой метод вчитывания в текст, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во

внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося. При анализе историк повседневности фокусируется на изучение социального с точки зрения индивида. Индивид в исследованиях повседневности должен быть воспроизведен действующим на жизненной сцене в заданных обстоятельствах (природных, временных и политических), показан определяющим ситуацию, конструирующим — совместно с другими — социальные роли и играющим их (подробнее см.: [Пушкарева, 200—?]). Сторонники истории повседневности призывают не к замене, а к уточнению структурного подхода с целью обогащения нашего понимания прошлого, отдавая при этом приоритет изучению повседневной жизни. Это позволяет, по их мнению, показать дихотомию между институциональными и человеческими факторами.

Исходные позиции истории повседневности базируются на соединении идей Франкфуртской школы, философии истории, марксизма, англо-американской антропологии, постструктурализма и герменевтики. **К общетеоретическим источникам** истории повседневности традиционно относят следующие.

Работы основателей **феноменологического направления в философии**, и в частности Э. Гуссерля, первым обратившего внимание на значимость философского осмысления сферы человеческой обыденности, которую он именовал жизненным миром. Вдохновленный идеями Гуссерля, основатель **социальной феноменологии** А. Шюц предложил отказаться от восприятия «мира, в котором мы живем», как «пред-данного» и сосредоточиться на анализе процессов складывания и обусловливания этой кажущейся «пред-данности», т.е. «мира человеческой непосредственности» — стремлений и фантазий, сомнений и реакций на непосредственные частные события. Шюц именно в предметно-телесной закреплённости видел преимущества повседневности перед другими сферами человеческого опыта (религией, сном, игрой, научным теоретизированием, художественным творчеством, миром душевной болезни и т.п.), которые он называл конечными областями значений в силу того, что переход из одной области в другую предполагает своего рода смысловой скачок.

Незадолго до Второй мировой войны основатель **социогенетической теории цивилизаций** Н. Элиас призвал рассматривать общество и отдельных людей «как нераздельные аспекты одного меняющегося

набора взаимосвязей». Он подарил мировому гуманитарному знанию видение развития цивилизаций как переплетения разнообразных практик (воспитания, познания, труда, власти и т.п.) и способов их упорядочивания, закрепленных различными институтами. Элиас и его последователи специально изучали процессы оцивилизовывания разных сторон повседневности индивидов — их внешнего вида и манер поведения, намерений, чувств и переживаний, речи и этикета. Кроме того, Элиас поставил вопрос: имеем ли мы дело в случае повседневности и, соответственно, ее противоположности — «внеповседневности» — с различными сферами человеческого общества [Elias, 1978]?

Шагом к выделению исследований повседневности в отдельную отрасль науки стало появление в 1960-е годы ряда модернистских социологических концепций, и прежде всего — **теории социального конструирования** П. Бергера и Т. Лукмана. Именно они призвали изучать «встречи людей лицом к лицу», полагая, что такие социальные взаимодействия есть основное содержание обыденной жизни. Они же первыми поставили вопрос о языке таких «встреч» и путях «заучивания типизаций повседневных действий», дав тем самым толчок исследованиям социального конструирования идентичностей, пола, инвалидности и т.п. В теории социального конструирования реальности речь идет о том, что социальная реальность сложным образом конструируется через систему коллективных представлений. В свою очередь, механизм социального конструирования реальности состоит в соблюдении следующих четырех процедур: хабиитуализации («опривычивания», или превращения в повседневность), типизации, институционализации и легитимации.

В те же 1960-е годы Г. Гарфинкель и А. Сикурель заложили основы социологии обыденной жизни, или **этнометодологии**, сделав ее предметом изучения того, как «поступают народы, когда они живут обычной жизнью», точнее — как они преобразуют эту жизнь. Целью социологии обыденной жизни стало обнаружение «методов, которыми пользуется человек в обществе для осуществления обыденных действий» [Пушкарева, 200—?], т.е. анализ социальных правил и предубеждений, процесса их формирования, истолкования одними людьми речи, поведения и жестов других. Суть этнометодологического экспериментирования Г. Гарфинкеля состоит в неожиданном нарушении общепринятого и нормального хода событий, что по-

зволяет выявить содержание и формы обыденных представлений, не обнаруживающихся при нормальном течении жизни, т.е. благодаря проецированию повседневности последняя «выдает» сокровенные механизмы своего устройства⁶.

На рождение истории повседневности оказали влияние **идеи К. Гирца**, увидевшего в любой культуре «стратифицированную иерархию структур, состоящих из актов, символов и знаков». Расшифровка этих актов и символов, составляющих повседневные типизированные людские практики, «интерпретация паутины значений, которую человек сам сплел» [Там же], выступает у этого социоантрополога способом познания. Именно интерпретация, по Гирцу, является целью этнографически-ориентированной науки, в том числе истории, позволяющей в этом случае понять представителей иных культур, уловить их восприятие событий и явлений.

Изучение «повседневного лица фашизма» началось в Германии с конца 1970-х годов, а окончательно новое направление сложилось в ходе острых дискуссий первой половины 1980-х годов. Впрочем, задолго до появления повседневной истории как направления бытовая сторона повседневности находила отражение в исторических трудах в качестве дополнения и украшения «большой» истории. Формирование истории повседневности в начале XX в. связано с издательской деятельностью А. Берра — основателя журнала «Исторический синтез», на страницах которого печатались М. Блок и Л. Февр. Именно в рамках основанной ими школы «Анналов» в центре исторических исследований все чаще стал появляться простой человек со своими повседневными проблемами.

С новой силой интерес к изучению повседневности в западной истории и социологии, присутствующий уже в работах Г. Зиммеля и М. Хальбвакса, возник после Второй мировой войны, когда француз-

⁶ Впрочем, возможности этнометодологического эксперимента ограничены. С одной стороны, экспериментатор не может освободиться от уз повседневности, занять по отношению к ней абсолютно стороннюю позицию. С другой стороны, в этнометодологическом эксперименте необходимо учитывать морально-этические ограничения.

ские историки, объединившиеся вокруг журнала «Анналы» (Ф. Бродель, Ф. Арьес и Р. Шартье), в противовес традиционной истории занялись изучением длительных временных периодов. Кроме того, во французской традиции изучение повседневности идет от поздних экспериментальных тактик левого искусства — от сюрреализма до ситуативизма, представителей которых интересовали отклонения от официальных практик и теорий. Так, работа А. Лефевра о повседневной жизни в современном мире продолжала артистические традиции левого искусства. М. де Серто, написавший «Изобретение повседневности» в полемическом диалоге с М. Фуко и П. Бурдьё, показал, как в XVII в. во Франции искусство с большой буквы отделилось от искусства разговора, городских прогулок, приготовления еды и других видов жизнедеятельности [Ионин, 1997а. С. 317–318].

Представители истории повседневности в ФРГ, с их левой политической ориентацией и требованием возвращения в историю человека, считались радикалами по сравнению с представителями доминировавшей тогда «исторической социальной науки» Билефельдской школы, делавшей упор на социальных процессах, группах и структурах. В качестве замены структурного подхода в историческом исследовании было предложено изучение прерывности и непрерывности общественного бытия. Конфигурация форм повседневной жизни при этом выстраивается через повторение опыта, которое, в свою очередь, означает подчинение власти и выступает как условие стабильности. Кроме того, призыв к исследованию истории на местах привел к созданию населением многочисленных «исторических мастерских», что критиками истории современности расценивалось как депрофессионализация исторического знания. Первоначально, по признанию А. Людтке, содержание истории повседневности составляла реконструкция истории противостояния и сопротивления нацистскому режиму рядовых людей, в частности, социал-демократов и коммунистов, а также реконструкция масштабов поддержки и преданности, которые оказывали режиму люди в их стремлении выжить. Представителям нового направления удалось построить объясняющую модель немецкого особого пути развития в позднее кайзеровское время и в Веймарской республике. Согласно этой модели к национал-социализму страну привели дефицит модернизации и неравномерное экономическое и политическое развитие [Людтке, 1999. С. 78–80].

В дальнейшем в рамках нового направления определилось два ведущих подхода, отличавшихся степенью разрыва с предшествовавшей историографической традицией. «Статичная» концепция П. Боршейда и его последователей, заимствовавшая понятийный аппарат из социальной теории А. Гелена и заострявшая внимание на повседневной деятельности, в которой преобладал элемент повторяемости, предполагала четкое разделение сфер повседневной и неповседневной жизни⁷ и подчеркивала преимущество прежних представлений социальной истории, где главное внимание уделялось структуре общественных отношений. Тогда как «динамический» подход (Х.-У. Вёллер и др.) увязывал противоречивый характер радикальных исторических изменений «с производством и воспроизводством действительной жизни», т.е. речь шла не только о будничной борьбе за выживание: на первый план выдвигалась реконструкция социальной практики людей [Там же. С. 82–84]. При этом акцент делался на их сопротивление авторитетам или доминирующим историческим процессам. Людтке в 1990-е годы даже ввел понятие «своенравие», под которым подразумевал своеобразную реакцию на спускаемую сверху политику и специфическое толкование индивидом окружающего мира. Своенравие может поддерживать власть, а может ее ограничивать; оно стоит между властью и «сопротивлением», которые в истории повседневности долго рассматривались как взаимоисключающие полюсы [Обертрайх, 2004. С. 5–7].

Вопределенной степени историю повседневности можно рассматривать как «колонизацию» социальных наук изнутри для придания им черт историчности. В силу этого на рубеже XX–XXI столетий программа и инструментарий данного направления все больше расширяются, переплетаясь с другими течениями, особенно с микроисторией и биографической историей, историей эмоций, исторической антропологией и социологией. При этом в самой Германии после короткого взлета начала 1990-х годов, когда с ее помощью было изменено одностороннее представление о Советском Союзе 1920–1930-х годов и ГДР после 1949 г., история повседневности оказалась существенно

⁷ При этом устанавливалась своеобразная иерархия, в которой повседневная жизнь рассматривалась как подготовительная стадия для изучения внеповседневных событий.

потесненной новой культурной историей, обвинившей повседневную историю в неспособности «к комплексной теоретической постановке вопросов» [Циманн, 2004. С. 336–337]. Означает ли это очередную смену научной парадигмы или речь идет о новом качественном этапе развития истории повседневности?

Думается, что констатация «смерти» этого направления исторического знания преждевременна. Свидетельством тому — исследовательский (см., например: [Безгин, 2004; Богданов, 2001; Доронина, 2004; Зубкова, 2000; Козлова, 1996; Лебина, 1999; Лебина, Чистиков, 2003; Лившин, Орлов, 2002; Рожков, 2002; Фицпатрик, 2001] и др.) и издательский⁸ бум в нашей стране, связанный с различными аспектами повседневной жизни людей. Более 10 лет в журнале «Родина» ведется рубрика «Российская повседневность». Сегодня можно говорить о наличии целой когорты российских ученых, чей исследовательский интерес лежит в плоскости изучения повседневной жизни советских людей.

Кроме того, историю повседневности следует рассматривать не только как направление внутри германской исторической науки, но и как некий тренд в развитии мировой исторической мысли, связанный с кризисом объяснительных моделей «большой» политической истории, и прежде всего истории элит и структур. Неслучайно американский социолог и историк Ч. Тилли в середине 1980-х годов призвал к инкорпорации повседневной жизни «в бурные воды исторического процесса» [Tilly, 1985].

В западногерманской исторической науке, по мнению Ф. Ульриха, «произошла смена перспектив: от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и государственных событий, от анализа глобальных общественных структур и процессов она обратилась к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневной жизни» (цит. по: [Кокка, 1993. С. 175]). Однако и прежняя, ориентированная на политику историческая наука не ис-

⁸ См., в частности, серию «Повседневная жизнь человечества» издательства «Молодая гвардия», посвященную реконструкции повседневной жизни — от греческих богов и первых христиан до сталинской Москвы. Или воениздатовскую историческую серию «Редкая книга», в которой в числе прочих сюжетов присутствует и история повседневности.

чезла. Кроме того, современные социальные историки не пренебрегают социальными структурами и процессами, такими как развитие индустриального капитализма, создание национальных государств, революции или образование классов. Ведь структурные изменения влияют на простых людей.

История повседневности призывает к воспроизведению «всего многообразия личного опыта и форм самостоятельного поведения», к изучению «человека в труде и вне его», т.е. центральными в анализе повседневности становятся «жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории». И прежде всего — проблема того, как люди переживают воздействие разнообразных структур и процессов. Отказ от изучения политики сверху был продиктован тем, что именно внизу, на микроисторическом уровне, сталкиваются общественный и частный интерес. Только так, по мнению Людтке, можно избежать изображения людей в качестве марионеток. Однако освещение местных особенностей требует выхода за пределы изучения только простых людей, поскольку тон социальным отношениям и конфликтам задают права на собственность и власть и, в особенности, их символическое выражение. История повседневности провозгласила также отказ от односторонних представлений марксизма о возможности объяснить прошлое, исходя из действия экономических императивов и объективных условий, добавив в объяснительную историческую модель субъективный фактор. При этом реконструкции не ограничиваются маленькими изолированными мирами. Перспектива расширяется при использовании различных форм «насыщенного повествования» путем обращения к более широкому контексту. Именно подобный подход, как уже указывалось, позволяет увязать опыт, восприятие, представления и действия со структурами и процессами [Людтке, 1999. С. 77, 95–96, 100; Кокка, 1993. С. 180, 182–183, 186–187].

В германской историографии впервые была сделана попытка определить историю повседневности как своего рода новую исследовательскую программу, еще один исторический синтез, подобный тому, что был предпринят в свое время в «Анналах». Об этом свидетельствует вышедшая в конце 1980-х годов в ФРГ книга «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни», переизданная в США в 1995 г. [The History., 1995].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru